

хотѣлось передать по-русски. Въ половинѣ прошлаго вѣка именно вопросъ языка, удачнаго или неудачнаго выраженія, былъ предметомъ споровъ Ломоносова и Сумарокова и всякихъ мелкихъ писателей; примѣръ французской литературы усиливалъ эту заботу о формѣ.

Но этотъ вопросъ о „подражаніи“ и выработкѣ литературной рѣчи сводится къ цѣлому состоянію нашей литературы XVIII-го столѣтія. Батюшковъ, какъ и его другъ и современникъ Жуковский и цѣлый рядъ другихъ писателей того же поколѣнія, еще завершали тотъ періодъ первой формациі нашей новой литературы, который начать былъ петровской реформой или даже еще концомъ XVII-го вѣка. Это былъ тотъ самый періодъ, который столько старались обезславить, какъ періодъ слѣплаго подражанія и оторванности отъ народа и народныхъ началъ. — Въ чемъ дѣло? Имѣютъ ли какое-нибудь значеніе дѣятели этого обезславленнаго времени, — были ли они только представителями въ литературѣ этой жалкой оторванности отъ своего народа, или ихъ трудъ, напротивъ, велъ къ чему-нибудь благотворному для цѣлаго русскаго просвѣщенія и для самого народа? Мы имѣемъ теперь возможность, ближе присматриваясь къ фактамъ, проще и справедливѣе взглянуть на это время, исполненное крайностей и противорѣчій, какъ всякая переходная эпоха, расстающаяся съ прежнимъ складомъ жизни и неизбѣжными шагами идущая къ неизвѣстному и только указываемому будущему. Русскому обществу, раньше ли, позже ли, неизбежна была встрѣча съ обществомъ западнымъ, въ рукахъ котораго была и большая степень научнаго образованія (у насъ до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстнаго), и большая степень внѣшней бытовой культуры. Отнестись къ этому новому открывавшемуся міру совершенно отрицательно было невозможно, потому что представляемое имъ содержаніе научной мысли, намъ ранѣе чуждой, отвѣчало неодолимой потребности человѣческой природы — потребности знанія и работы мысли. Такой же неодолимой потребности отвѣчала открывавшаяся вновь область поэтической фантазіи и тонкаго выраженія чувства. Наконецъ, трудно было бы отталкивать ту новизну, которая представлялась въ утилитарномъ практическомъ знаніи, которое могло удовлетворить все болѣе настоятельными потребностями реальной государственной жизни, и новомъ обычаѣ, который имѣлъ свои привлекательныя стороны или удобства. Всѣ эти стороны западной жизни еще гораздо ранѣе Петра стали привлекать русскихъ людей стараго времени; когда Петръ Великій начиналъ свое преобра-